

Н.Д.Павлова*

Интенциональные основания вербальной коммуникации

Интенции и дискурс

В течение длительного времени изучение речи осуществлялось в рамках парадигмы, ориентированной на индивида и индивидуальные процессы. Это накладывало серьезные ограничения на понимание роли речи в общении. С формированием междисциплинарного коммуникативного подхода акцент переносится на проблемы вербальной коммуникации, которые связаны с проведением комплексных теоретических и эмпирических исследований дискурса, т.е. речи с учетом совокупности психологических, лингвистических, прагматических, социокультурных и других факторов — речи, «погруженной в жизнь» [2, с. 136]. Важным направлением исследований в обозначенном контексте становится изучение интенциональных оснований дискурса, что определяется той ролью, которую играют интенции в речи и речевом общении.

Интенции, трактуемые нами в широком смысле как предметные направленности субъекта, образуют основу и глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъектом, его желаниями, потребностями, установками. Понимание интенционального подтекста — важнейшая предпосылка диалогического взаимодействия, достижения целей собеседников. Соответственно, без обращения к интенциональному плану дискурса невозможно уяснить не только ход интеракции, но и то, почему человек включается в общение.

Изучение интенциональных оснований вербальной коммуникации, раскрывающее неразрывную связь речевого содержания с устремлениями субъекта в текущем акте общения, необходимо для описания процессов формирования и передачи смысла, развития представлений о коммуникативном назначении человеческой речи. Разработки в рассматриваемой области актуальны в практическом отношении. Методики интент-анализа и данные о формах выражения интенционального состояния коммуникантов важны в психологической экспертизе и могут использоваться PR-специалистами, политическими и общественными деятелями. Они также способны помочь в разработке вопросов, связанных с эффективностью вербальной коммуникации, развитием коммуникативных навыков и оптимизацией понимания.

В целях формирования представления об интенциональных основаниях вербальной коммуникации в работе решались следующие задачи. Во-первых, для выявления места и роли интенций в коммуникации проводилось экспериментальное изучение интенциональных особенностей речи в разных комму-

* Павлова Наталья Дмитриевна — доктор психологических наук, заведующая лабораторией Института психологии РАН, руководитель проекта «Интенциональные основания вербальной коммуникации» (01-06-00212а).

никативных ситуациях (непосредственное непринужденное общение, педагогическое общение в школе и др.). Во-вторых, осуществлялся анализ выражения интенций в продуцируемой речи, а также их понимания слушающим. В-третьих, важную задачу работы составило развитие метода изучения интенций — интент-анализа — с разработкой вариантов техники, пригодных для изучения речи в специальных условиях общения.

Интент-анализ

Исследование проводилось с позиций коммуникативного (дискурсивного) подхода, предусматривающего изучение речи в системе коммуникативных отношений и реализующего принципы системной методологии и принцип субъекта в изучаемой области. В качестве основного метода использовался метод интент-анализа — теоретико-экспериментальный подход к изучению интенций, позволяющий выявить стоящие за речью интенции коммуникантов и их влияние на организацию дискурса [9].

В отличие от других существующих подходов новизна разрабатываемого метода состоит в ориентации на интенциональные характеристики речи, соотношенные непосредственно с ходом коммуникации. Так, весомый вклад в изучение интенционального аспекта речи вносят исследования, опирающиеся на теорию речевых актов (Дж.Остин, Дж.Серль и др. [8]). Этот авторитетный подход не избавлен, однако, от существенных ограничений: исследования основываются на данных мысленного эксперимента, учитываются лишь типовые осознаваемые намерения (обещания, просьбы), моделируются изолированные высказывания либо стереотипные схемы течения разговора (W.Franke, G.Fritz и др. [13]). Метод интент-анализа позволяет преодолеть эти ограничения и характеризовать не только типовые, но и другие интенции (в том числе неосознаваемые), которые воспринимаются партнерами и составляют психологическую реальность коммуникации.

Как подход психологический интент-анализ предусматривает изучение интенционального подтекста естественных речевых материалов, почерпнутых непосредственно из окружающей жизни (в частности, методом «скрытого магнитофона»). В ходе исследования мы сформировали базу данных объемом более 100 аутентичных текстов, относящихся к разным условиям коммуникации: непосредственному непринужденному общению, педагогическому общению, публичным политическим дебатам и интервью, печатным публицистическим и художественным текстам. Звучащая речь записывалась на пленку и затем стенографировалась по специальной системе, учитывающей паузы, наложение реплик, другие особенности устной формы [12].

Интент-анализ, который в общем виде представляет собой глубинный семантический анализ речи, реализовывался в двух основных вариантах. Первый предусматривает интерпретативный анализ дискурса, опирающийся на коммуникативную компетенцию исследователя, и связан с герменевтической традицией. Второй основывается на субъективном оценивании интенциональных элементов речи группой экспертов и сближается с психосемантикой. Оба названных варианта конкретизировались в специальных приемах и техниках, разработка которых опиралась на ряд сформулированных нами принципов [6]. Учитывая проблемы подхода, ориентированного на теорию речевых актов, мы считали необходимым:

— не ограничиваться идентификацией интенций, выражаемых отдельными речевыми актами, но рассматривать дискурс как единое семантическое целое;

— принимать в расчет как типовые намерения (приказы, просьбы), так и другие, обычно менее явные интенции (представить себя в определенном свете, проявить отношение к партнеру и пр.);

— опираться на коммуникативный контекст, знать ситуацию, в которой находятся коммуниканты;

— осуществлять валидизацию получаемых характеристик.

Очерченный подход позволил обработать необходимые методики интент-анализа речи в разных условиях коммуникации. В ходе исследования была апробирована техника интент-анализа диалогической речи в условиях непосредственного непринужденного общения, предусматривающая квалификацию интенций субъекта с опорой на ответные реплики собеседника [3]. Дальнейшее развитие получила также методика коммуникативно-ориентированного интент-анализа политического дискурса, включающая элементы логико-семантического анализа и обращенная к таким составляющим интенционального содержания, которые связаны с текущим взаимодействием, практической деятельностью и ее задачами [7]. Кроме того, было положено начало разработке методик изучения понимания интенций субъекта «наивной», т.е. неподготовленной, аудитории. Для изучения понимания взрослыми интенций детей предложена процедура анкетирования методом вынужденного выбора [10, 11]. Методика, сочетающая анализ текста и процедуры субъективного шкалирования, апробирована для исследования понимания интенций и субъективной оценки художественных текстов [1].

Дискурсные интенциональные структуры

Разработанные методики интент-анализа использовались для выявления интенционального своеобразия речи в разных условиях коммуникации.

Мы провели исследование интенциональной структуры повседневного бытового диалога, который в последние годы привлекает большое внимание и по праву считается базовой формой речевого общения [5, 14]. Анализ показал, что в непринужденных разговорах, записанных в домашней обстановке, интенциональная направленность собеседников отвечает двум основным линиям. С одной стороны, это решение определенных проблем, с другой — налаживание и поддержание межличностных отношений. Преобладание интенций, соответственно, проблемного и отношенческого характера определяет жанр диалога: обсуждение, инструктирование, разговор «понемногу обо всем» и др.

Обычный бытовой диалог — это диалог-обсуждение. В интенциональной организации такого диалога высока роль взаимосвязанных «парных» интенций, говорящая о понимании собеседника, направленности партнеров друг на друга. Как свидетельствует таблица 1, характерными являются следующие интенциональные паттерны: обозначить проблему — задать уточняющие вопросы; высказать мнение — согласиться, возразить, высказать другое мнение; выразить сомнение — поддержать, возразить; просить совета — как посоветовать и др. В количественном отношении выделяются такие интенции, высказать мнение, согласиться, возразить, объяснить. Соподчиненную роль в обсуждении играют интенции отношенческого плана, демонстрирующие расположение к собеседнику, стремление оживить разговор.

Таблица 1

Представленность различных вариантов проблемных и отношенческих интенций в диалогах-обсуждениях (в процентном отношении к общему числу выявленных интенций)

Характер интенций	«Парные» интенции собеседников			
	Партнер А	Процент интенций	Партнер Б	Процент интенций
Проблемные 86%	Обозначить проблему	4,3	Уточнить	3,2
	Высказать мнение	21,4	Согласиться	2,0
			Возразить	6,0
	Высказать свое мнение		Высказать свое мнение	3,2
	Выразить сомнение	3,2	Согласиться	2,2
		Возразить	1,1	
Отношенческие 14%	Просить совета	2,2	Советовать	—
	Объяснить	8,8	Объяснить	8,8
	Настоять на своем	3,2	Настоять на своем	3,2
	Пожаловаться	6,5	Посочувствовать	6,0
			Пошутить	0,7

Интенциональная структура диалогов, названных инструктивными, отличается большей жесткостью. Если в диалогах-обсуждениях интенции часто размыты, то в диалогах данного типа они выражаются прямо и немногословно. Собеседники дают указания (12%), просят что-то сделать (11,5%), напоминают (5,3%) и пр. (таблица 2). В целом доля проблемных интенций доходит здесь до 94%, тогда как интенции отношенческого характера выражены редко. Такое распределение связано со спецификой семейной коммуникации. В ней угроза коммуникативной неудачи и ссоры не столь страшна — для примирения с родственниками нужно, как правило, меньше психологических усилий, чем для восстановления отношений с посторонними [4, 5].

Диалоги типа «понемногу обо всем» имеют иную направленность. Для них характерны стремления поболтать, посплетничать, поделиться переживаниями, а также поддержать собеседника, посочувствовать. Рассказ о событиях в таком разговоре — лишь повод к общению, та канва, на которой развиваются отношения участников (до 70% от числа выделенных интенций составляют интенции отношенческого характера). Разговор перескакивает с одного на другое, причем, предлагая тему, партнеры изначально ориентированы на заинтересованность собеседника: любая тема поддерживается и получает развитие. Если один высказывает мнение, другой, как правило, стремится развернуть его и поддержать.

Таблица 2

Представленность вариантов проблемных и отношенческих интенций в инструктивных диалогах (в процентном отношении к общему числу выделенных интенций)

Характер интенций	«Парные» интенции собеседников			
	Партнер А	Процент интенций	Партнер Б	Процент интенций
Проблемные 94%	Задать вопрос	7,4	Дать ответ Задать встреч- ный вопрос	4,8 2,4
	Дать указание	12,0	Согласиться Возразить	5,0 8,0
	Попросить сделать что-то	11,5	Согласиться Возразить	10,2 1,2
	Напомнить	5,3	Согласиться Возразить	2,8 2,5
	Упрекнуть	4,2	Оправдаться Извиниться	5,6 3,6
	Выразить недовольство	3,1	Оправдаться Извиниться	1,8 1,0
	Отругать	1,8	Оправдаться Извиниться	1,0 0,8
Отношенческие 6%	Похвалить	3,1	Пошутить	1,4
	Пошутить	1,4		

Своеобразен интенциональный подтекст педагогического дискурса. Результаты экспертной квалификации интенций учителя, манифестируемых при диалогическом общении с детьми (учебная дискуссия, внеклассные занятия), представлены в левой части таблицы 3. В правой части таблицы для сопоставления приводятся данные об интенциях, присущих монологической форме педагогического дискурса (объяснение нового материала и т.п.).

В диалогической форме педагогического общения наиболее выраженным является стремление поддержать диалог (до 27% интенций). Другие интенции проявляются реже, однако они достаточно разнообразны и обуславливают целую палитру поведенческих реакций, способствующих развитию межличностных отношений. Такие устремления, как направленность на обсуждение, стремление отвлечь, согласиться, обнаружить альтернативу, проявляются только в диалоге. Ряд интенций, к примеру, стремление отвлечь ребенка, успокоить, передать инициативу, которые очень важны для преодоления возникающих конфликтов, проявляются слабо и далеко не каждым учителем. Как показывает таблица 3, учитель больше сосредоточен на дидактических и организационных задачах, чем на задачах коммуникативных, хотя именно они наиболее актуальны.

Таблица 3

Интенциональные особенности педагогического дискурса

Манифестируемые интенции	Диалогическая форма педагогического дискурса		Монологическая форма педагогического дискурса	
	Число случаев	%	Число случаев	%
Уточнить	2	10,3	15	8,4
Поддержать диалог	52	27		
Одобрить, похвалить	16	7,4	9	5,0
Обсудить	15	6,5		
Указать цель	14	6,5	20	11,2
Выявить альтернативу	11	5,1		
Объяснить	10	4,6	16	8,9
Стимулировать к действию	8	3,7	2	1,1
Обобщить	7	3,2	18	10,1
Задать вопрос	7	3,2	3	1,7
Привлечь внимание	6	2,8	9	5,0
Отвлечь	6	2,8		
Согласиться	5	3,2		
Передать инициативу	5	2,3		
Успокоить	5	2,3		
Посоветовать, помочь	4	1,9		
Высказать мнение	2	0,9	4	2,2
Направить действия			9	5,0
Осуществить самопрезентацию			6	3,4
Сделать замечание			5	2,8
Закрыть разговор			2	1,1

Для монологической формы педагогического дискурса основной является направленность педагога на цели и задачи урока: выраженность такого рода интенций составляет до 11,2%. Учитель реализует наиболее привычную форму взаимодействия с детьми: он объясняет (8,9%), обобщает (10,1%), регулирует действия (5,0%), делает замечания (2,8%). Кроме того, безусловно, учителя используют уроки для самопрезентации, хотя это и не так выражено, как можно было ожидать (3,4%).

Раскрывая внутренний психологический подтекст дискурса, интен-анализ обнаруживает слабые стороны сложившейся учебной практики. Педагоги явно недооценивают значение диалога. Для них ведущими в педагогическом процессе выступают дидактические задачи, что нередко идет в ущерб задачам коммуникативным. Проведенное исследование убеждает в необходимости совершенствования навыков учебного диалога, а также сознательной регуляции сложившихся форм взаимодействия с детьми.

В сопоставлении с бытовым и педагогическим дискурсом отчетливо проявляется *интенциональное своеобразие политических и публицистических выступлений.*

Как свидетельствуют результаты интен-анализа, для политического и публицистического дискурса типовыми являются следующие интенциональные направленности: на критику оппонента, на апологизацию собственного «Я» и своей позиции, на анализ окружающей действительности и оказание воздействия на аудиторию. Названные типовые компоненты не являются при этом рядоположными. Направленность на анализ действительности образует нижний уровень интенциональной иерархии. Выступающие рассматривают такие факты (явления, проблемы), которые позволяют представить в выгодном свете собственные позитивы или служат дискредитации оппонента как ответственного за охарактеризованное положение. Интенции второго уровня иерархии — апологизация и критика, — модифицируя анализ действительности, в свою очередь испытывают влияние направленности говорящего на аудиторию. Апологизация строится так, чтобы привлечь адресата на свою сторону; критика служит для того, чтобы настроить его против конкурентов. Направленность на адресата, оказание воздействия на него составляет верхний уровень системы. Под влиянием этой направленности интенции нижних уровней иерархии приобретают конкретное, соотношенное с адресатом, выражение, обеспечивающее адекватное восприятие и пропагандистское воздействие дискурса.

Интенции взаимосвязаны между собой и иерархичны. Кроме этого вывода, который, как мы полагаем, имеет достаточно общий характер, исследование выявило характерную вариативность интенционального подтекста выступлений. Обнаружено, что из четырех типовых интенциональных компонент политических и публицистических текстов две являются основными — это направленность на апологизацию своего «Я», своей позиции и оказание воздействия на аудиторию. Направленность на анализ действительности и критику оппонента обычны, но не обязательны. Выступлениям критического типа отвечает полная 4-компонентная или в отсутствие направленности на действительность — 3-компонентная интенциональная структура. Выступлением апологетического типа присуща 3-компонентная интенциональная структура, которая при невыраженности направленности на действительность редуцируется до двух основных компонентов.

Получены также данные о характерных способах отражения рассматриваемых интенций в речи. Так, показано, что типовые «политические» интенции (представить себя в выигрышном свете, дискредитировать оппонента и др.) нередко проявляются в простой открытой форме. Говорящий обсуждает соответствующие объекты, при этом атрибутируемые характеристики обнаруживают интенции рассматриваемого: апологизацию, критику, анализ и их конкрет-

ные варианты. Материалы не ограничиваются, однако, только такими, наиболее очевидными, интенциональными проявлениями.

Наряду с простой формой выражения рассматриваемых интенций удастся описать и регулярные формы непрямого проявления интенций. К примеру, один из выявленных стереотипов предусматривает, что говорящий обрисовывает некую фактическую ситуацию и далее заявляет о своей готовности улучшить или исправить положение; представление фактов и самопрезентация одинаково служат апологизации. В достаточно сложной не прямой форме может выражаться и направленность на критику оппонента. Так, получены данные, которые свидетельствуют, что в контексте высказываний, напрямую приписывающих оппоненту негативные качества, приведение фактов действительности служит дискредитации противника как виновного в сложившемся положении. Подобная форма косвенного обвинения оппонента, выступающая «скрытым» проявлением направленности на дискредитацию, широко используется в политической риторике. Прием позволяет расширить сферу критики, избегая ответственности за ее содержание.

Следует остановиться также на такой форме проявления своеобразного интенционального подтекста политического и публицистического дискурса, как повышенная оценочность. Сопоставление с другими видами дискурса обнаруживает выраженную направленность выступлений на позитивное представление одних социальных объектов (социальных слоев, институтов власти и пр.) и негативное — других. Получены данные, подтверждающие, что транслируемые оценки ориентированы на систему ценностей адресата. Направленность на аудиторию, оказание воздействия являются главными в интенциональной структуре политических и публицистических текстов. Выступающий основывается на представлении об установках и ценностях аудитории, в расчете на них производит оценивание, что-то декларирует, критикует. В результате осуществляется выигрышная самопрезентация (апологизация), дискредитация оппонента и адресат привлекается на свою сторону.

Понимание интенций субъекта

Изучение интенциональных оснований естественного, включенного в коммуникацию, дискурса требует дополнить круг исследуемых вопросов не только выражением их интенций в продуцируемой речи, но и проблемой их понимания «наивным» адресатом, слушателем или читателем. Первые шаги, осуществленные нами в этом направлении, касались изучения интерпретации взрослыми интенций детей, а также понимания интенций и субъективной оценки художественных текстов.

Особенности понимания интенций детей работающими с ними взрослыми исследовались экспериментально [10, 11]. Двум профессионально различным группам участников (воспитателям и психологам) были предъявлены записи спонтанных детских диалогов. По инструкции требовалось, опираясь на прилагаемый список вариантов, осуществить квалификацию интенциональной направленности высказываний: «на игру» — поддержать игру, отказаться от нее, дезорганизовать; «на партнера» — стремление установить контакт, выразить согласие, дружелюбие, напротив, недоброжелательность, агрессию и т.п.; «на себя» — направленность на самоутверждение, захват инициативы или, напротив, самоуничижение и пр. Полученные 6030 ответов распределились следующим образом.

1. По оценке воспитателей, у детей преобладают интенции, которые обозначаются как направленные «на партнера» (1641 из 3015), причем 25,5% из них имеют отрицательный знак (направленность на агрессию и т.п.).

2. По оценке практических психологов, у детей значительно преобладают интенции, направленные «на игру» (1340 из 3015).

3. Оценки психологами и воспитателями речевой продукции детей в плане направленности «на себя» различаются незначительно (психологи — 21,6%, воспитатели — 19,2%).

4. Воспитатели выявили большее, чем психологи, количество интенций, имеющих отрицательную направленность. Оценки психологов оказались более консолидированными.

По данным беседы, проводившейся после эксперимента, психологи в большей степени, чем воспитатели, стремятся не оценивать слова ребенка буквально, не приписывать им собственных мыслей и чувств. Они имеют установку не столько на действия и поступки детей, сколько на выражение ими желаний и потребностей, не стремятся прекратить нежелательную деятельность ребенка.

В целом полученные материалы говорят о значительных «разночтениях» в понимании интенций детей работающими с ними специалистами. Взрослые видят детское поведение с различных сторон, причем в их оценке отражаются как представления о надлежащем поведении в конкретной ситуации, так и профессиональный опыт. Воспитатели чаще квалифицируют интенции ребенка с позиций человека, в задачу которого входит сохранение жизни и здоровья детей, привитие им навыков самообслуживания. Дистанция с ребенком сокращена настолько, что ему нередко приписываются собственные чувства и побуждения. Психологи же стремятся посредством речи понять личность ребенка, они фиксируются на игре как наиболее значимой деятельности этого возраста.

Конечно, непосредственное участие в актуальной ситуации общения по сравнению с анализом транскриптов диалогов открывает большие возможности для понимания интенций. Однако многогранность факторов, включенных в такие ситуации (в том числе сложившиеся стереотипы личного отношения к детям), способна замаскировать значение отдельных переменных. Есть все основания полагать, что выявленное в эксперименте влияние профессионального опыта, знаний и навыков субъекта на понимание им интенционального подтекста речи играет немалую роль и в естественных коммуникативных ситуациях.

Исследование понимания интенций и субъективной оценки художественных текстов осуществлялось на основе оригинальной методики, сочетающей анализ текста и процедуры субъективного шкалирования [1]. Испытуемые оценивали фрагменты произведений разных авторов, специфичные по интенциональной направленности (19 фрагментов), по 42 дескрипторам, выбор которых осуществлялся психологами-экспертами. Рассматривался вопрос, насколько устойчивым является отнесение текстов к соответствующим описательным характеристикам (дескрипторам). Гипотеза исследования предусматривала, что дескрипторы, отражающие характеристику интенциональной доминанты текста («акцентуированной картины мира»), будут отнесены к текстам соответствующих категорий. В исследовании принял участие 21 человек, каждый из которых оценивал каждый литературный фрагмент по всем 42 дескрипторам.

Результаты шкалирования выявили отсутствие значимых межличностных различий в отнесении текстов к предложенным дескрипторам. Смыслы, выражаемые в языке, в значительной степени инвариантны для представителей одной и той же культуры и мало подвержены влиянию индивидуальных различий. Вместе с тем, эти различия, слабо сказывающиеся на понимании текста как такового, оказывают значительное влияние на *оценку* текстовых содержаний: когда испытуемым предлагалось охарактеризовать тексты по степени субъективной близости, интересности и т.п., индивидуальные различия возникали и были существенными.

Полученные нами материалы свидетельствуют о том, что текст способен индуцировать предусматриваемое автором эмоциональное состояние читателя и позволили подойти к вопросу о закономерностях такого процесса. В исследовании было показано, что индукция эмоционально-аффективного состояния при понимании художественного текста осуществляется на нескольких уровнях сложности текстовых образований. Должны быть выделены, по крайней мере, следующие уровни. Во-первых, уровень тем, где психологическое значение имеет не только частота введения новых тем, но также степень опоры на преждесказанное, характер текстовой прогрессии. Во-вторых, уровень характеристик предложений, на котором целесообразно рассматривать такие параметры, как длина периодов, особенности синтаксической структуры и пр. Третьим уровнем формирования эмоционально аффективного смысла является, очевидно, семантика глаголов и наречий, соединяющих воедино различные содержания и характеризующих временные параметры переживаний. Четвертый уровень индукции эмоционального значения денотативный, он наиболее известен в психологии: индукция осуществляется через существительные, объекты, к которым они относятся, а также ассоциации как со словом, так и с объектом. Наконец, последним уровнем, вносящими свой вклад в эмоциональное восприятие текста, по результатам исследования следует признать отдельные фонемы и фонетические признаки.

* * *

В целом проведенная работа позволяет сделать следующий вывод: дискурс передает не только представления и убеждения субъекта, но также его интенции в конкретном акте общения. Последнее в немалой степени модифицирует речевое содержание, так что восприятие интенционального подтекста собеседником выступает важной предпосылкой достижения целей коммуникации, взаимопонимания, координации совершаемых действий.

По результатам анализа важнейшей детерминантой интенционального состояния субъекта выступает направленность на партнера и текущее взаимодействие. В повседневном бытовом диалоге интенциональная специфика проявляется в соотношении интенций проблемного и отношенческого плана и их конкретных вариантов (дать/запросить информацию, высказать мнение и пр.). Для политического и публицистического дискурса типовыми являются интенциональные направленности на критику оппонента, апологизацию собственной позиции, на анализ окружающей действительности, оказание воздействия на адресата; последняя направленность является ведущей и подчиняет себе другие интенции. Специфика педагогического дискурса связана с преимущественной выраженностью интенций дидактического, организационного и собственно коммуникативного характера.

В ходе работы по проекту осуществлено описание типовых интенциональных структур дискурса, а также способов их проявления на разных уровнях текстовой организации. Начато изучение понимания интенций «наивным» адресатом (слушателем или читателем), в котором помимо факторов, определяющих особенности понимания (профессиональные установки, степень включенности в коммуникацию, межличностные различия) намечаются пути оптимизации речевого общения.

Литература

1. Алмаев Н.А., Градовская Н.И. Субъективное шкалирование и контент-анализ в оценке эмоционально-аффективной компоненты текста // Психологические исследования дискурса. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 18—40.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136—137.
3. Зачесова И.А. Интенциональные особенности речи в непринужденном общении // Психологические исследования дискурса. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 141—151.
4. Зачесова И.А. Особенности речи в непринужденном семейном общении // Вербальная коммуникация: теория и практика. Ярославль, 2003.
5. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П.Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 568.
6. Павлова Н.Д. Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. С. 7—18.
7. Павлова Н.Д. Предвыборные интенции в речи политиков. Там же. С. 78—97.
8. Теория речевых актов. Новое в лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
9. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Латынов В.В., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000.
10. Шустова Л.А. Понимание интенций детей взрослыми в контексте проблем педагогического общения // Психологические исследования дискурса. С. 151—166.
11. Шустова Л.А. Интерпретация речевых интенций детей работающими с ними специалистами // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы третьих филологических чтений. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 375—379.
12. Atrinson J.M., Heritage J.C. Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis. Cambridge, 1984.
13. Franke W. Elementare Dialogstrukturen. Tübingen, 1996.
14. Psathas G. Conversation Analysis: The study of talk-in-interaction. London, 1995.